

Симбиоз профессионалов и уникального репертуара

Московской мужской еврейской капелле исполнилось 30 лет

Александр Цалюк – бесменный художественный руководитель и дирижер известного столичного музыкального коллектива. Он получил блестящее классическое музыкальное образование и весьма уважаем в музыкальных кругах как в России, так и за ее пределами. С Александром я познакомилась еще в 2004 г., когда брала у него интервью для московской газеты «Еврейское слово». Уже тогда было ясно, что его детищу, которое в конце минувшего года отметило 30-летний юбилей, уготована необычная судьба. На фоне празднования этой знаковой даты мы поговорили с музыкантом об истории его коллектива, об итогах многолетней деятельности и о том, почему говорить с оптимизмом о дальнейшей судьбе хора моему собеседнику совсем не просто.

– Александр, давайте начнем с истории возникновения Московской мужской еврейской капеллы.

– С удовольствием. В 1988 г. в Москву впервые приехал главный кантор синагоги на Пятой авеню в Нью-Йорке Йозеф Маловани, профессор Yeshiva University. Вместе с ним визит в нашу столицу совершили раввин нью-йоркской синагоги «Park East» Артур Шнайер и директор американской организации «Джойнт» Ральф Гольдман. Вместе с раввином Адольфом Шаевичем они отправились на прием к Михаилу Горбачеву с предложением возродить еврейскую жизнь в Москве. Горбачев поначалу отнесся к этой идее без особого энтузиазма и даже с опаской. Тогда кантор Маловани неожиданно для всех участников встречи предложил начать этот процесс с музыкальной стороны – с возрождения в столичной Хоральной синагоге мужского хора, который работал там до революции, считался лучшим мужским еврейским хором Европы и с которым сотрудничали такие выдающиеся канторы, как Йосеф Розенблат, Моше Кусевичкий, Гершон Сирота, позже – Михаил Александрович. К этой идее последний генеральный секретарь ЦК КПСС отнесся более благожелательно. Так было принято решение воссоздать хор. Я в ту пору учился в музыкальном училище при Московской консерватории, а мой дедушка много лет вел молитвы в малом зале синагоги, где собирались ветераны. Именно он представил меня раввину Адольфу Соломоновичу Шаевичу и предложил использовать мои знания, умения и навыки в этом направлении. Так в 1989 г. в свои 18 лет я попал в Московскую хоральную синагогу.

– Как вас принял первый состав хора?

– Поначалу коллектив состоял из тех самых ветеранов, приходивших в синагогу в орденах и медалях и помнивших, как проводились молитвы в те времена, когда посещать молельный дом считалось опасным. Конечно, они не были музыкантами, не умели петь по нотам, но эти замечательные люди отдавались своему делу с такой душой, с таким теплом и старанием, опираясь на свою генетическую память, что музыкальную неграмотность им можно было простить. Постепенно мы учили простые песни, исполняемые на Шаббат.

Когда «Джойнт» смог предоставить нам небольшое финансирование, начали дополнительно привлекать студентов, молодежь, профессионалов, с которыми я учился в училище, евреев, которым интересно было попробовать себя в подобном амплуа. Репертуар нам предоставляли в основном американские коллеги. Помню один интересный момент. Когда Горбачев разрешил приоткрыть архивы КГБ, кантор Йозеф Маловани, раввин Артур Шнайер, а также знаменитый филантроп Хаим Винер, создатель Канторской академии Северной Америки, спустились в подвал Ленинской библиотеки, куда им выкатили огромные коробки, опломбированные сургучными печатями в страшные 1930-е гг. В них были старинные сидурь, календари, энциклопедии Брокгауза и Эфрона, изданные до революции, а также предназначенные для хора – нашего предшественника – рукописи нот, выведенные каллиграфическим почерком перьевой ручкой и распечатанные по партиям. Счастливым тем, что мне довелось увидеть все это богатство, я с огромным интересом списывал с этих листочков уникальные произведения, ни разу не звучавшие с тех времен. Кантор Маловани планировал их издание, но пока этого так и не случилось. До сих пор некоторые произведения мы поем по копиям с этих уникальных нот. Маловани попросил скопировать ценнейшие рукописи, так как оригиналы «органы», естественно, общине не возвращали. За блок сигарет «Marlboro» какой-то человек удалился на какое-то время, а затем принес копии материалов, причем они были темно-зеленого цвета. Тогда ротатип печатал лишь фиолетовым или темно-зеленым. Эти листочки мы в шутку называем между собой «Грин Пис», они прошли с нами долгий творческий путь длиной в 30 лет.

– Что было дальше? Как вы прокладывали себе дорогу в большое искусство?

– Возрождение этого элемента еврейской культурной жизни Москвы стало большим событием. Вскоре наши ряды пополнили профессиональные певцы, которые с детства увлекались хоровым пением и учились ему. Например, я с шести лет занимался в Большом детском хоре Центрального телевидения и Всесоюзного радио под управлением Виктора Попова, пройдя потрясающую школу до окончания в 1997 г. аспирантуры в Московской консерватории им. П. И. Чайковского. Мы с коллегами свободно читали ноты с листа и могли легко освоить любой репертуар. Нас полюбили и на Западе, потому что в США хотя и было немало еврейских хоров, но все они были любительскими. Для нас же это стало полноценной трудовой деятельностью, способом зарабатывать на хлеб. Конечно, нам платили крошечную зарплату. Однако репертуар стал быстро расширяться, Йозеф Маловани присылал интересные произведения, которые до этого мало кто мог исполнить. Московская мужская еврейская капелла, состоящая из мастеров своего дела, имеющих превосходное классическое музыкальное образование

Александр Цалюк (на переднем плане) и его коллектив

и воспитанных в русской певческой традиции, сильно отличалась от зарубежных аналогов.

Симбиоз профессионалов и уникального репертуара вскоре принес плоды. Мы начали много гастролировать, побывали в 14 странах Европы и в США. Путешествовали тогда на автобусе, что было весьма забавно. Представляете, что такое выехать на нем из Москвы и поехать в Польшу, затем в Данию, Швецию, Норвегию, Германию, Бельгию, далее – в Австрию?! Однажды мы «накатали» 11 тыс. км, ели и спали на колесах. Это было безумно классное время, о котором можно было бы написать книгу! Перед глазами всплывают выступления хора в чудесных синагогах мира. Несколько мероприятий с успехом прошло в Хоральной синагоге Копенгагена, где мы пели для самой королевы Дании. Кстати, ее отец во время Второй мировой войны спасал евреев. В память об этих событиях нам выпала честь выступать перед местной публикой с концертами, которые несколько раз транслировались по европейскому телевидению.

– По российскому телевидению недавно показывали популярный проект «Тенора XXI века». Правда, что один из его участников поет в вашем хоре?

– Да, речь идет о солисте Георгии Фараджеве, горском еврее. Ныне он ведущий солист театра «Новая опера», регулярно выступающий в крупнейших концертных залах Москвы. Он работал у нас в коллективе и завоевал славу потрясающего солиста-тенора. Георгий изумительно воспроизводит на сцене канторские литургические песнопения, очень аутентично, «вкусно», красиво. Сейчас, к сожалению, он полностью ушел в классическую оперу, но порой – когда без него на сцене никак не обойтись – возвращается к нам.

– Какую роль в вашей жизни сыграла великодушная певица Тамара Гвердцители?

– С Тамарой Михайловной мы познакомились случайно более де-

сяти лет тому назад на одном из мероприятий Российского еврейского конгресса (РЕК) в гостинице «Украина». Я тогда набрался смелости и предложил ей совместное выступление. Сначала звезда эстрады отнеслась к этому предложению настороженно, мы ведь совершенно академический коллектив, никогда не касались иных музыкальных направлений. Но дело в том, что она имеет солидное классическое музыкальное образование, потрясающе играет на рояле, свободно читает партитуры в разных ключах, будто симфонический дирижер. В итоге хор выступил с несколькими песнями из репертуара этой выдающейся певицы, а потом я стал упрашивать ее спеть что-то на идише. Тамара рассказала о своей еврейской маме, внучке одесского раввина, которая знает этот уходящий язык. До войны она жила в городе у Черного моря, а во времена фашистской оккупации чудом спаслась в эвакуации в Тбилисти, благодаря чему часть их семьи осталась в живых. К 80-летию юбилею мамы Тамары было решено записать компакт-диск на идише. Вместе мы прослушали массу песен, по-моему, около 200. Я принес для этого свои диски, бобины, оцифрованные кассеты, дедушкины патефонные пластинки. Перерабатывая весь этот материал, долго и мучительно выбирали достойные композиции. В результате оставили 15 песен, из них решили записать 12. Специально для этого проекта мы заказали у молодого и очень талантливого композитора Кузьмы Бодрова авторские аранжировки. Не имея еврейских корней, он глубоко погрузился в эту тему и создал настоящие шедевры, абсолютно академические акустические оркестровки, глубоко проникнувшись нашей музыкой. Причем сделал все это без использования электронных инструментов. В итоге Большой симфонический оркестр, Тамара Михайловна и Московская мужская еврейская капелла записались на «Мосфильме», в лучшей студии страны. Идею поддержал благотворительный фонд

Алишера Усманова «Искусство, наука и спорт», частично – РЕК и Международная еврейская женская лига, которую возглавляет замечательная женщина Алина Гоникман. Пластинка вышла в 2017 г. и сейчас продается по всему миру. Из этих произведений возникла роскошная концертная программа, и в 2016 г. нам выпала честь продемонстрировать ее на одной из самых престижных концертных площадок мира – в Карнеги-холл в Нью-Йорке. На том фантастическом концерте присутствовало более 3000 человек, они были в полнейшем восторге. Среди гостей, кстати, был выдающийся пианист Евгений Кисин, который активно занимается изучением идиша, сам пишет на нем стихи и делает с него переводы. Запись этого концерта можно посмотреть на Youtube-канале нашего хора (www.youtube.com/user/atsaliuk). Выступали тогда еще в Бостоне и Торонто, а в 2017-м отправились с этой программой в Израиль. Безмерно благодарен Б-гу за великую радость – общаться с Тамарой Михайловной, певицей высочайшего уровня. Учиться у нее – дорогого стоит! В мае 2018-го, наконец, состоялась долгожданная, но, к сожалению, закрытая презентация проекта в Москве, в галерее Зураба Церетели, где прозвучали все песни с совместного диска «Mamele», выпущенного всемирно известным музыкальным лейблом «Universal Music».

– **С какими итогами вы подошли к знаковому рубежу – 30-летию хора?**

– Юбилей отметили грандиозным концертом в Московской консерватории с участием причастного к созданию нашего коллектива главного кантора синагоги на Пятой авеню в Нью-Йорке Йозефа Маловани. На этом вечере пели все наши солисты, включая изумительного кантора и оперного певца Уриэля Граната, нашего обожаемого солиста Гию Бешитаишвили и конечно, Тамару Гвердцители, которую мы, как и ее дедушка в детстве, ласково называем Фейгеле.

Не скрою, Московская мужская еврейская капелла сегодня переживает самый сложный период, так как мы лишены финансирования и существуем «вопреки всему». Найти регулярные денежные средства на развитие нашего творчества пока не представляется возможным. В стране экономический спад, многие поддерживавшие нас бизнесмены покинули Россию, кто-то просто больше не может помогать, к государству обращаться бесполезно, хотя такие попытки и были. «Сильные мира сего» не слышат меня. Мы ведь по-прежнему в основном работаем в академическом жанре, а это направление не всегда понятно и доступно людям так же, как эстрадная музыка. Наш репертуар подразумевает определенный круг ценителей, готовых не просто слушать, а вслушиваться.

– **Получается, что, несмотря на популярность, востребованность за рубежом, в Москве хору по-прежнему не на что жить?**

– К сожалению, это так. Все 30 лет у нас идет плотный репетиционный процесс, наш проект абсолютный профессиональный, в нем поют только певцы, окончившие консерваторию и другие музыкальные вузы. Они настоящие подвижники и зарабатывают на жизнь, работая во многих местах, что позволяет им быть участниками нашего коллектива. Отрад-

Тамара Гвердцители выступает вместе с капеллой

но, что Московская мужская еврейская капелла считается практически единственным в мире профессиональным еврейским хором, а кантор Маловани и вовсе называется нас лучшими в своей области. Но почему-то московские еврейские организации не спешат поддерживать еврейскую музыкальную академическую культуру. Да, мы все еще репетируем в синагоге на Поклонной горе, принадлежащей РЕК, однако даже по минимуму оплачивать коллегам репетиционный процесс мне нечем, а ведь нужно учить новый репертуар, поддерживать прежний. За все это время мы собрали невероятную библиотеку, насчитывающую более 1000 произведений. Конечно, подобная деятельность требует огромного, кропотливого ежедневного труда, и то, что нам удалось создать в Москве такой сильный и профессиональный коллектив, иначе как чудом назвать нельзя. За границей уже выстроилась бы очередь, чтобы нам помочь. А здесь мы фактически являемся конкурентами российским еврейским организациям, так как ищем деньги там же, где и они. Но мы представляем качественный, востребованный продукт, потому что никто, кроме нас, профессионально не исполняет эту Б-жественную литургическую музыку. Любительских хоров, несомненно, очень много, а мы занимаемся своим делом на самом высоком профессиональном уровне.

– **Почему в таком случае не думаете об эмиграции?**

– Я мог эмигрировать в Германию еще в 1993-м, когда мой папа получил в немецком посольстве в Москве разрешение на всю нашу семью, чтобы переехать в Лейпциг. Тогда же в российскую столицу прилетел важный гость из Штутгарта – выдающийся немецкий хормейстер и дирижер Хельмут Риллинг, профессор Баховской музыкальной академии. Он несколько раз проводил мастер-классы в Московской консерватории, когда я там учился, и меня «приставили» к нему переводчиком. Позже мы разговорились, немецкий гость с любопытством узнал, что я управляю еврейским хором, а посмотрев видеокассеты с записями наших выступлений, пришел в совершеннейший восторг. Оказалось, его жена – еврейка из Израиля. Он был искренне удивлен. Сказал, что не понимает, что я еще делаю в Москве, и пригласил меня в аспирантуру в Штутгарт. И даже забрал с собой мои документы для оформления. В это же время в Россию вновь приехал из США кантор

теряют популярность. Туда предпочитают для развлечения приглашать эстрадных артистов, которых помнят наши соотечественники. Зато бывший участник нашего хора Андрей Ситнов, эмигрировавший в Германию в 1990-е гг., стал кантором синагоги в Ганновере.

– **Кто формирует репертуар вашего коллектива?**

– В основном я сам, причем за эти годы собрал в нашей обширной библиотеке совершенно уникальные партитуры. Мне серьезно помогает потрясающий кантор Йозеф Маловани, являющийся одним из лучших в мире специалистов по еврейской духовной музыке. Он получил высшее музыкальное образование в Израиле, во времена Голды Меир был главным кантором ЦАХАЛа, потом уехал в Йоханнесбург, где окончил Академию музыки, изучая симфоническое дирижирование, после чего отправился в Лондон, где учился в Королевской академии музыки в качестве пианиста. Получив три высших музыкальных образования, он по распределению отправился в Нью-Йорк, в синагогу на Пятой авеню, где служит вот уже без малого 50 лет, бережно собирая все эти ноты, оркестровки, аранжировки и присылая их нам. Я также коллекционирую аудиозаписи еврейской литургической, канторской музыки и песен на идише.

– **Слышала, что вскоре вам предстоит интересные гастроли за рубежом...**

– Верно, 22 января Всемирный конгресс горских евреев проводит в центральном офисе ЮНЕСКО в Париже колоссальные мероприятия, приуроченные ко Дню памяти жертв Холокоста. На этот вечер приглашены первые лица Франции, на нем выступит выживший в концлагере еврей, которому уже далеко за 90. Наш хор представит парижанам лучшую программу. После этого, с 25 по 27 января, мы должны быть в Ганновере, где также проводится мероприятие, посвященное Дню памяти жертв Холокоста. В самом большом зале Ганновера – «Конгресс-холл» – будет исполнена оратория на текст лауреата Нобелевской премии Эли Визеля «Ночь» и музыку, написанную его другом, кантором Лейбом Гланцем. Это огромное произведение для симфонического оркестра, большого смешанного хора, солиста-кантора и теще мы уже исполнили в Калининграде и Вильнюсе. Тещом была Тамара Гвердцители, а в роли кантора выступал молодой кантор Даниэль Муглу, человек из самой крупной либеральной синагоги «Temple Emanuel» в центре Манхэттена. Совсем недавно наш коллектив вернулся из Берлина, где участвовал в концерте, посвященном памяти жертв «Хрустальной ночи», который проходил в синагоге на Песталоцциштрассе. Отмечу, что последний год с такими вот зарубежными гастролями нам регулярно помогает Всемирный конгресс горских евреев и его президент Акиф Гилалов. При его поддержке мы выступали в ООН в Нью-Йорке, провели несколько крупных мероприятий в Москве и Израиле.

Беседовала Яна ЛЮБАРСКАЯ

Желающие помочь Александру Цалюку и его коллективу могут связаться с ним по адресу электронной почты: atsaliuk@gmail.com или воспользоваться сайтом: www.hasidic-cappella.com/donate

Маловани, знающий историю моей семьи. В частности, тот факт, что мой дедушка, папин отец, известный военный фотограф, погиб на фронте в 1942 г., когда, попав в плен, был идентифицирован как еврей. Маловани заявил, что я ни за что не должен уезжать в Германию. Он убедил меня продолжать учебу в Москве, окончить Московскую консерваторию и заверил, что в Германии я никогда не найду подобных профессионалов, чтобы создать аналогичный хор. Его слова очень на меня подействовали, и я наотрез отказался переезжать, о чем и сообщил родителям. Они, конечно, были ошарашены, поскольку затевали все это из-за меня. В нашей семье возник крупный конфликт, в результате поездку отложили. Затем заболели бабушки и дедушки, их не стало, вскоре ушел папа, и теперь уже моя мама и моя жена периодически предлагают уехать.

Раньше в Москве проходили регулярные «еврейские мероприятия», концерты с обязательным участием нашей капеллы, мы были весьма востребованы и имели возможность претендовать на гранты различных европейских фондов, которые несколько раз выигрывали. В нынешней же России, если ты подашь заявку на получение средств из-за рубежа, станешь считаться «иностранным агентом» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Число проектов с нашим участием здесь заметно сократилось как по финансовым, так и по политическим причинам. Переехав, к примеру, в Германию, можно попробовать с нуля создать аналогичный хор или оркестр при еврейской общине. Я также имею более чем 10-летний опыт учителя и могу преподавать академическую музыку, дирижирование. В России же наш еврейский хор, к сожалению, давно никто не поддерживает, и очень боюсь, что вскоре мое детище придется распускать, так как без поддержки никак не прожить. А для выезда на ПМЖ мне следует усилить изучение языка, искать в Германии общину, которая смогла бы помочь мне, предложив конкретную работу. Надеюсь, с помощью читателей «Еврейской панорамы» удастся это сделать.

– **А вы часто бывали с концертами в Германии?**

– Наш хор выступал в этой стране более 25 раз, в том числе с выдающимся кантором и певцом Михаилом Александровичем. Но сейчас ситуация в Германии резко изменилась из-за наплыва иммигрантов. К тому же в еврейских общинах хорошее пение, литургическая музыка, канторское искусство, к сожалению,